

Психологическая типология

Характер — это устойчивая индивидуальная форма че-ловеческого бытия, причем форма как физической, так и душевной природы. Поэтому общая характерология пред-ставляет собой учение о признаках как физического, так и душевного рода. Необъяснимое единство живого суще-ства является причиной того, что физический признак не есть просто физический, а душевный — не есть просто душевный, ибо непрерывность природы не знает тех несовместимостей и разрывов, которые вынужден преодо-левать человеческий разум, чтобы суметь познать вообще хоть что-нибудь.

Отрыв тела от души — это искусственная операция, дискриминация, которая, несомненно, в боль-шой степени основывается на своеобразии познающего разума, чем на сути вещей. В действительности же взаим-ное проникновение телесных и душевных признаков столь глубоко, что по свойствам тела мы не только можем сделать далеко идущие выводы о качествах души, но и по душевным особенностям мы можем судить о соответствую-ющих телесных формах. Последнее, конечно, потребует от нас несравненно больших усилий, но, пожалуй, не из-за того, что душа оказывает меньшее влияние на тело, чем тело на душу, а потому, что если начинать с души, то нам придется делать вывод по неизвестному об известном, тогда как в противном случае у нас есть преимущество, ведь здесь мы можем отталкиваться от известного, то есть от видимого нами тела. Вопреки психологической теории, которая якобы у нас сегодня существует, душа все же намного бесконечнее и темнее, чем видимая поверхность тела. Душа по-прежнему является чужой, неизведанной страной, из которой к нам поступают лишь косвенные из-вестия, передаваемые через подверженные всевозмож-ным иллюзиям функции сознания,

Следовательно, более безопасным представляется путь от внешнего к внутреннему, от известного к неизвестно-му, от тела к душе. Поэтому все попытки создания характерологии начинались снаружи. К ним относятся такие ме-тоды предков, как, например, астрология, которая даже обращалась к звездам, чтобы постичь те линии судьбы, начала которых, по замечанию Сени Валленштейну, лежат в самом человеке, а также хиромантия, френология Галля и физиогномика Лафатера. Недавние попытки подобного рода представлены графологией, физиологической типо-логией Кречмера и кляксографическим методом Роршаха. Как видно, путей от внешнего к внутреннему, от телесного к душевному вполне достаточно.

Такое направление от внешнего к внутреннему должно быть путем исследования до тех пор, пока не будут с до-статочной надежностью установлены определенные эле-ментарные душевные состояния. Но как только это про-изойдет, путь может стать

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

обратным. Тогда мы сможем поставить вопрос: каково телесное выражение конкретно-го душевного состояния? К сожалению, мы еще не на-столько продвинулись в данной области, чтобы быть в со-стоянии вообще затрагивать этот вопрос, потому что основное условие, а именно удовлетворительная констатация душевного состояния, еще далеко не выполнено. Более того, мы лишь начали упражняться в расстановке душевного инвентаря, да и то не всегда успешно.

Простая констатация того, что определенные люди вы-глядят так-то и так-то, совсем ничего не будет значить, если она не позволит нам сделать вывод о соответствую-щем содержании. Мы только тогда будем удовлетворены, когда узнаем, какой вид души соответствует определен-ным физическим качествам. Тело без души нам ни о чем не говорит, так же как — позволим себе встать на точку зрения души — душа ничего не может значить без тела. Если мы теперь собираемся по какому-нибудь физическо-му признаку судить о соответствующем ему душевном качестве, то мы делаем это, как уже было сказано, по изве-стному о неизвестном.

Я, к сожалению, вынужден подчеркивать эту мысль, поскольку психология является самой молодой из всех наук и поэтому находится во власти предрассудков. Тот факт, что психология, в сущности, была открыта лишь не-давно, является непосредственным доказательством того, что нам потребовалось слишком много времени для оты-ва душевного от субъекта и тем самым выделения его в качестве предмета объективного познания. Психология как естественная наука — это фактически приобретение самого последнего времени, поскольку до сих пор она бы-ла таким же фантастическим продуктом произвола, как и средневековая естественная наука. Считалось, что психо-логией можно распоряжаться. И этот предрассудок ощу-тимо следует за нами. Ведь душевное для нас — это нечто самое непосредственное, а поэтому вроде бы и самое знакомое, даже более чем знакомое: оно зевает нам в ли-цо, оно раздражает нас банальностью своей нескончае-мой повседневности, мы даже страдаем от этого и делаем все возможное, чтобы об этом не думать. Из-за того, что душа представляет собой самое непосредственное явле-ние, из-за того, что мы сами являемся душой, мы вряд ли можем предположить что-либо иное, чем то, что мы зна-комы с ней глубоко, основательно и долго. Поэтому каж-дый не только имеет свое мнение о психологии, но и убежден, что он, само собой разумеется, лучше всех в ней разбирается. Психиатры, которым приходится сражаться с родственниками и опекунами своих пациентов, поняти-вость которых (родственников и опекунов) уже стала притчей во языцах, были, пожалуй, первыми людьми, ко-торые в качестве профессиональной группы столкнулись с бытующим в массе слепым предрассудком, что в психо-логических вопросах каждый понимает больше любого другого, что, впрочем, не мешает и самому психиатру раз-делять это мнение. Причем доходит до того, что он вынуж-ден признать: «В этом городе вообще только два нормаль-ных человека. Профессор В. в гимназии — он второй».

В психологии сегодня нужно, в конце концов, прийти к пониманию того, что душевное — это нечто совершенно неизведанное, хотя оно и кажется абсолютно знакомым, и что душу другого каждый знает, пожалуй, лучше, чем свою собственную. Во всяком случае, для начала это было бы весьма полезным эвристическим положением. Ведь именно из-за непосредственности душевных явлений психология и была открыта так поздно. А поскольку мы стоим еще только у истоков науки, поскольку у нас отсутствуют понятия и определения, с помощью которых мы могли бы охватить известные нам факты. Первые у нас отсутствуют, последние (факты) — нет; более того, они теснят нас со всех сторон, мы даже завалены ими в отличие от других наук, вынужденных их разыскивать, а естественное группирование их, как, например, химических элементов или семейств растений, опосредуется нами наглядным по-нятием *a posteriori* (Из последующего, на основании опыта (лат). — Перев.). Совсем иначе, однако, обстоит дело с психикой; здесь со своей эмпирически-наглядной устаревкой мы просто попадаем в непрерывное течение наших субъективных душевных явлений, и если из этого потока вдруг всплывает всеобъемлющее общее понятие, то оно является не более чем простым симптомом. Раз мы сами являемся душой, то, позволяя исполниться душевному процессу, мы почти неизбежно растворяемся в нем и тем самым лишаемся способности познающего различия и сравнения.

Это представляет собой одну трудность; еще одна за-ключается в том, что по мере удаления от пространственного явления и приближения к беспространственности души мы теряем возможность точного количественного измерения. Даже констатация фактов становится затруднительной. Например, если я хочу подчеркнуть недействительность какой-либо вещи, то говорю, что я только подумал, «У меня даже и мыслей таких не было бы, если бы не... и вообще я такого не думал». Замечания подобного рода доказывают, какими туманными являются факты души или, точнее сказать, насколько неопределенны субъективными они кажутся, ибо на самом деле они столь же объективны и определены, как и любое другое событие. «Я действительно подумал так-то и так-то, и отыне это всегда будет присутствовать в моих действиях». Даже к такому, можно сказать, само собой разумеющемуся признанию многие люди должны буквально-таки проридать-ся, порой при огромном напряжении моральных сил. Именно с этими трудностями мы сталкиваемся, когда делаем вывод по известному внешнему явлению о состоянии души.

Отыне область моих изысканий сужается с клинической констатации, в самом широком смысле, внешних признаков до исследования и классификации всех душевых состояний, которые вообще могут быть выявлены и установлены. Из этой работы сначала возникает психическая феноменология, которая делает возможным появление соответствующего структурного учения, а уже из эмпирического применения структурного учения вытекает наконец психологическая типология.

Клиническая феноменология — это симптоматология. Шаг от симптоматологии к психической феноменологии можно сравнить с переходом от чисто симптоматической патологии к знаниям о патологии клеточной и патологии обмена веществ, ибо психическая феноменология позволяет нам увидеть процессы заднего плана души, лежащие в основе возникающих симптомов. Общеизвестно, что это стало возможным благодаря применению аналитического метода. Сегодня мы обладаем действительным знанием о душевных процессах, вызывающих психогенные симптомы. Этим знанием является не что иное, как учение о комплексах, которое, собственно, и оказывается основой психической феноменологии. Что бы ни действовало в темных подпочвах души — разумеется, на этот счет существуют разнообразные мнения, — несомненно по крайней мере одно: прежде всего это особые аффективные содержания, так называемые комплексы, которые обладают определенной автономией. Мы уже не раз сталкивались с выражением «автономный комплекс», однако, как мне кажется, оно часто употребляется неправомерно, тогда как некоторые содержания бессознательного и в самом деле обнаруживают поведение, которое я не могу назвать иначе, как «автономным», подчеркивая этим их способность оказывать сопротивление сознательным намерениям, появляться и исчезать, когда им благорассудится. Как известно, комплексы — это прежде всего такие психические величины, которые лишены контроля со стороны сознания. Они отщеплены от него и ведут особого рода существование в темной сфере души, откуда могут постоянно препятствовать или же содействовать работе сознания.

Дальнейшее углубление учения о комплексах последовательно приводит нас к проблеме возникновения комплексов. На этот счет также существуют различные теории. Но как бы то ни было, опыт показывает, что комплексы всегда содержат в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо следствием. Во всяком случае, комплексам присущи признаки конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это так называемые «больные точки», по-французски «*bêtes noires*», по-английски «*skeletons in the cupboard*», о которых не очень-то хочется вспоминать и еще меньше хочется, чтобы о них напоминали другие, но которые, зачастую самым неприятным образом, напоминают о себе сами. Они всегда содержат воспоминания, желания, опасения, обязанности, необходимости или мысли, от которых никак не удается отделаться, а потому они постоянно мешают и вредят, вмешиваясь в нашу сознательную жизнь.

Очевидно, комплексы представляют собой своего рода неполноценности в самом широком смысле, причем я тут же должен заметить, что комплекс или обладание комплексом не обязательно означает неполноценность. Это значит только, что существует нечто несовместимое, неассимилированное, возможно даже, какое-то препятствие, но это также и стимул к великим устремлениям и поэтому, вполне

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

вероятно, даже новая возможность для успеха. Следовательно, комплексы являются в этом смысле прямо-таки центром или узловым пунктом душевной жизни, без них нельзя обойтись, более того, они должны присутствовать, потому что в противном случае душевная деятельность пришла бы к чреватому последствиями застою. Но они означают также и неисполненное в индивиде, область, где по крайней мере сейчас он терпит поражение, где нельзя что-либо преодолеть или осилить; то есть, без сомнения, это слабое место в любом значении этого слова.

Такой характер комплекса в значительной степени освещает причины его возникновения. Очевидно, он появляется в результате столкновения требования к приспособлению и особого, непригодного в отношении этого требования свойства индивида. Так комплекс становится для нас диагностически ценным симптомом индивидуальной диспозиции.

На первый взгляд кажется, что существует бесконечное множество вариантов комплексов, но их тщательное сравнение дает относительно малое число основных форм, и все они надстраиваются над первыми переживаниями детства. Так и должно быть, потому что индивидуальная диспозиция вовсе не приобретается в течение жизни, а, являясь врожденной, становится очевидной уже в детстве. Поэтому родительский комплекс есть не что иное, как проявление столкновения между действительностью и непригодным в этом смысле свойством индивида. Следовательно, первой формой комплекса должен быть родительский комплекс, потому что родители — это первая действительность, с которой ребенок может вступить в конфликт.

Поэтому существование родительского комплекса как ничто другое выдает нам наличие у индивида особых свойств. На практике, однако, мы вскоре убеждаемся, что главное заключается отнюдь не в факте присутствия родительского комплекса, а, скорее, в том, как этот комплекс проявляется в индивиде. Здесь имеются самые разные вариации, и, пожалуй, только малую их часть можно свести к особенностям влияния родителей, поскольку многие дети зачастую подвергаются одному и тому же влиянию и все-таки реагируют на это совершенно по-разному.

Поэтому я стал уделять внимание именно этим различиям, сказав себе, что как раз благодаря им можно по-знать индивидуальные диспозиции в их своеобразии. По-чему один ребенок в невротической семье реагирует на родительские воздействия истерией, другой неврозом на-вязчивых действий, третий психозом, а четвертый, похоже, вообще не реагирует? Эта проблема «выбора невро-за», которая предстала также и перед

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

Фрейдом, придает родительскому комплексу как таковому этиологическое значение, перенося тем самым постановку вопроса на ре-агирующего индивида и его особую диспозицию.

Фрейд пытался подойти к решению данной проблемы, но эти его попытки оказались совершенно неудовлетворительными, да и сам я еще далек от того, чтобы ответить на этот вопрос. Я вообще считаю преждевременным ставить вопрос о выборе неврозов. Потому что прежде, чем под-ходить к этой чрезвычайно трудной проблеме, мы должны знать намного больше о том, как индивид реагирует, а именно как он реагирует на препятствия. Например, нам нужно перейти ручей, через который не переброшен мостик и который слишком широк, чтобы через него пере-шагнуть. Значит, мы должны перепрыгнуть. Для этого мы располагаем сложной функциональной системой, а именно психомоторикой — вполне сформированной функцией, которой нужно только воспользоваться. Но прежде чем это осуществляется, происходит еще нечто чисто психическое: принимается решение о том, что вообще надо сделать. Здесь-то и совершаются решающие индивидуальные события, которые, что показательно, редко признают-ся субъектом типичными или же не признаются таковыми вовсе, потому что они, как правило, либо вообще не рассматриваются, либо на них обращают внимание лишь в самую последнюю очередь. Подобно тому как психомоторный аппарат привычно готовится к прыжку, так в свою очередь и психический аппарат привычно (а потому бессознательно) готовится к принятию решения о том, что вообще нужно делать.

Мнения на счет состава этого аппарата весьма существенно расходятся. Несомненно только одно — что каждый индивид обладает своим, характерным для него способом принимать решения и обходиться с затруднениями. Если спросить одного, то он скажет, что пере-прыгнул ручей, потому что ему нравится прыгать; другой скажет, что у него не было никакой иной возможности; третий — что при встрече с любым препятствием у него возникает желание его преодолевать. Четвертый не прыгнул, потому что не терпит бесполезных усилий, пятый — потому что не было острой необходимости пере-браться на другой берег.

Я намеренно выбрал этот банальный пример, чтобы продемонстрировать, насколько несущественными кажут-ся подобные мотивации. Они кажутся столь поверхностными, что мы склонны отодвинуть их в сторону все и объяснить все по-своему. И все же они являются именно теми вариациями, которые позволяют реально взглянуть на индивидуальные психические системы приспособления. Если мы рассмотрим первый случай — где ручей пересекается ради удовольствия от прыжка — в других жизненных ситуациях, то мы, вероятно, обнаружим, что подавляющее большинство поступков этого человека совершается ради получения удовольствия. Второй, который прыгает потому,

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

что не видит иной возможности для переправы, вни-мателен и брюзглив и, как мы увидим, путешествуя по его жизни, всегда руководствуется принципом *faute-de-mieux* (За неимением лучшего (франц.). — Перев.) и т.д. У каждого уже заранее выработана особая психическая система, которая и принимает решение. Лег-ко представить себе, что число таких установок — легион. Их индивидуальное многообразие невозможно исчерпать так же, как неисчерпаемы индивидуальные вариации кри-сталлов, которые, вне всяких сомнений, принадлежат, од-нако, к той или иной системе.

Но так же как кристаллы указывают на относительно простые основные законы, так и установки указывают на некоторые основные свойства, присущие определенным группам.

Попытки человеческого духа создать типологию и тем самым внести порядок в хаос индивидуального — можно сказать с уверенностью — уходят корнями в древность, Бессспорно, что самую первую попытку такого рода пред-приняла возникшая на древнем Востоке астрология в так называемых тригонах четырех элементов — воздуха, во-ды, земли и огня. Тригон воздуха в гороскопе состоит из трех так называемых воздушных знаков Зодиака — Водо-лея, Близнецов и Весов; тригон огня — из Овена, Льва и Стрельца и т.д. Согласно древним представлениям, тот, кто родился в этих тригонах, отчасти обладает их воздуш-ной или огненной природой, а это в свою очередь опреде-ляет соответствующий темперамент и судьбу. Поэтому физиологическая типология древности, то есть деление на четыре гуморальных темперамента, находится в тесной связи с древними космологическими воззрениями. То, что раньше объяснялось зодиакальными созвездиями, теперь стало выражаться на физиологическом языке древних врачей, конкретно в словах флегматический, сангвиниче-ский, холерический и меланхолический, которые представ-ляют собой не что иное, как наименование телесных соков. Как известно, эта последняя типология сохранилась по меньшей мере до 1800 года. Что же касается астроло-гической типологии, то она всем на удивление по-прежне-му держится и даже переживает сегодня новый расцвет.

Этот исторический экскурс в прошлое убеждает нас в том, что наши современные попытки создания типологии отнюдь не есть что-то новое и небывалое, если уж совесть ученого не позволяет нам вернуться на эти старые, инту-итивные пути. Мы должны найти свое собственное реше-ние этой проблемы, решение, которое удовлетворяло бы запросам науки.

Тут-то и возникает основная трудность проблемы типо-логии — вопрос о масштабах или критериях. Астрологиче-ский критерий был прост: это было объективно заданное

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

расположение звезд при рождении. Вопрос, каким обра-зом зодиакальные созвездия и планеты приобрели качества темперамента, простирается в серый туман прошлого и остается без ответа. Критерием четырех старых физиоло-гических темпераментов был внешний вид и поведение индивида — критерий абсолютно тот же, что и у сегод-няшней физиологической типизации. Но что, однако, должно быть критерием психологической типологии?

Вспомним о приведенном ранее примере, в котором различные индивиды должны были перебраться через ручей. Как и под каким углом зрения мы должны классифи-цировать их привычные мотивировки? Один делает, чтобы получить удовольствие, другой делает потому, что без-действие еще более тягостно, третий вовсе не делает, по-скольку придерживается на этот счет противоположного мнения, и т.д. Ряд возможностей кажется бесконечным и безысходным,

Другие, вероятно, подошли бы иначе к разрешению этой задачи, как — мне неизвестно. Я же в связи с этим могу сказать только одно: раз я взялся за это дело, то должен терпеть, когда меня упрекают в том, что мой спо-соб решать проблему является всего лишь моим личным предубеждением. И это возражение до такой степени верно, что я даже не знаю, каким образом можно было бы от него защититься. Я могу только сослаться на старину Колумба, который, основываясь на субъективном предпо-ложении, на ложной гипотезе и пойдя оставленным совре-менным ему судоходством путем, открыл Америку... Что бы мы ни рассматривали и как бы ни рассматривали, все равно глядим мы только собственными глазами. Именно поэтому наука делается не одним человеком, но многими. Каждый отдельный человек вносит только свой вклад, и только в этом смысле я осмеливаюсь говорить о своем способе смотреть на вещи.

Моя профессия уже давно заставила меня принимать в расчет своеобразие индивидов, а то особое обстоятельство, что в течение многих лет — я не знаю скольких — я должен был лечить супружов и делать мужчину и жен-щину взаимоприемлемыми, еще больше подчеркивает не-обходимость установить определенные средние истины. Сколько раз мне приходилось говорить: «Видите ли, ваша жена — очень активная натура, и от нее действительно нельзя ожидать, чтобы все ее существование заключалось лишь в домашнем хозяйстве». Это уже является типиза-цией, и этим выражена своего рода статистическая истина. Существуют активные и пассивные натуры. Однако эта прописная истина меня не удовлетворяла. Следующая моя попытка состояла в предположении, что существует нечто вроде задумывающихся и незадумывающихся натур, ибо я видел, что многие натуры, кажущиеся на первый взгляд пассивными, на самом деле не столько пассивны, сколько предусмотрительны. Они сначала обдумывают ситуацию — потом действуют, а так как для них это обыч-ный образ действия, то они упускают случаи, где необхо-димо непосредственное действие

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

без раздумий, и таким образом складывается мнение об их пассивности. Незадумывающимися всегда казались мне те, кто без раздумий прыгает обеими ногами в ситуацию, чтобы потом уж только сообразить, что они, похоже, угодили в болото. Таким образом, их, пожалуй, можно было бы охарактеризовать как незадумывающихся, что надлежащим образом проявлялось в активности; предусмотрительность же других в ряде случаев является в конечном счете весьма важной активностью и весьма ответственным действием в сравнении с необдуманной мимолетной вспышкой одной лишь деловитости. Однако очень скоро я обнаружил, что нерешительность отнюдь не всегда вызывается предусмотрительностью, а скорое действие не всегда необдуманно. Нерешительность первого столь же часто основывается на свойственной ему боязливости или по крайней мере на чем-то вроде обычного отступления перед слишком сложной задачей, а непосредственная активность второго часто обусловливается большим доверием к объекту, чем к себе. Это наблюдение побуждает меня сформулировать типизацию следующим образом: существует целый класс людей, которые в момент реакции на данную ситуацию как бы отстраняются, тихо говоря «нет», и только вслед за этим реагируют, и существуют люди, принадлежащие к другому классу, которые в такой же ситуации реагируют непосредственно, пребывая, по-видимому, в полной уверенности, что их поступок, несомненно, правильный. То есть первый класс характеризуется некоторым негативным отношением к объекту, последний — скорее позитивным.

Как известно, первый класс соответствует интровертированной, а последний — экстравертированной установке.

Введением обоих этих терминов достигнуто столь же мало, как и открытием мольеровского «bourgeois gentilhomme», что он обычно говорит прозой. Эти типы будут иметь смысл и значимость только тогда, когда мы узнаем, что же еще присуще каждому из них.

Ведь нельзя быть интровертом, не будучи им во всех отношениях. Понятие интровертированный означает: все душевное проявляется у интроверта так, как это и определено для него соответствующими законами. Если бы это было не так, то характеристика определенного индивида как экстраверта была бы такой же несущественной, как и констатация того, что длина его тела составляет 175 сантиметров или же что он шатен либо брахицефал. Как известно, такие констатации содержат ненамного больше обозначаемого ими факта. Однако выражение экстравертированный претендует на гораздо большее, ибо стремится выразить, что сознание экстраверта, равно как и его бессознательное, должно обладать определенными качествами, что все поведение экстраверта, его отношение к людям, даже течение его жизни указывают на определенные типические свойства,

Интроверсия и экстраверсия как типы установок обозначают диспозицию, обуславливающую в значительной степени весь душевный процесс, поскольку они характеризуют предрасположенное реагирование и тем самым определяют не только образ действия и вид субъективного опыта, но и характер бессознательной компенсации.

Следовательно, определение привычного реагирования (*Reaktionshabitus*) должно попасть в самую точку, поскольку предрасположение (*Habitus*) является в известной степени центральным коммутаторным пунктом, откуда, с одной стороны, регулируется внешнее поведение, а с другой — оказывается влияние на формирование специфического опыта. Определенное поведение дает соответствующие результаты, а благодаря субъективному осмыслинию этих результатов появляется опыт, который со своей стороны вновь оказывает влияние на поведение и тем самым, по пословице «Каждый — кузнец своего счастья», отражается на индивидуальной судьбе.

Что касается привычного реагирования, то можно, по-жалуй, не сомневаться относительно того, что тут мы ухватываем центральное звено проблемы. Однако здесь возникает другой щекотливый вопрос: удастся ли нам (адекватно) охарактеризовать способы привычного реагирования? На этот счет могут существовать самые разнообразные мнения, даже если кто-либо и обладает intimными знаниями в этой особой области. Те факты, которые мне удалось разыскать в пользу моей точки зрения, объединены мною в книге о типах, причем я полностью отдаю себе отчет, что моя типизация не является единственно верной или единственной возможной,

Противопоставление интроверсии и экстраверсии провести просто, однако простые формулировки, к сожалению, чаще всего подозрительны. Слишком легко укрывают они действительные трудности. Я говорю так исходя из собственного опыта, ведь едва я опубликовал первую формулировку своих критериев (Ср.: *Psychologische Typen*, Paragr. 931 ff. [Ges. Werke VI (1960 — 1967)]. — Авт.) — этому событию скоро будет двадцать лет, — как, к своему неудовольствию, обнаружил, что каким-то образом попал впросак. Что-то не сходилось. Видимо, я пытался объяснить слишком многое простыми средствами, как это чаще всего и бывает при первой радости открытия.

Я обнаружил факт, который невозможно было отрицать, а именно прямо-таки огромные различия внутри самих групп интровертов и экстравертов, различия, которые были столь велики, что у меня появились сомнения, видел ли я вообще что-либо правильно.

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

Для того чтобы развеять эти сомнения, потребовалось около десяти лет работы по наблюдению и сравнению.

Вопрос, откуда берутся огромные различия внутри ти-па, столкнул меня с непредвиденными трудностями, к ко-торым я долго не мог подступиться. Некоторые из этих трудностей основывались на наблюдении и восприятии различий, но главной их причиной была, как и раньше, проблема критериев, то есть подходящего обозначения для различий характеров. И здесь я впервые отчетливо понял, насколько же молода психология. Вряд ли она пока представляет собой что-либо иное, кроме хаоса произвольных учений, добрая часть которых, безусловно, обя-зана своим происхождением обособленному вследствие *generatio aequivoса* и тем самым уподобившемуся Зевсу мозгу ученого. Я не хочу быть непочтительным, но все же не могу удержаться от того, чтобы устроить очную ставку профессора психологии с психологией женщины, китайца и южного негра. Наша психология должна доходить до жизни, иначе мы просто застрянем в средневековье.

Я понял, что из хаоса современной психологии невоз-можно извлечь четкие критерии, что их скорее еще толь-ко требуется создать, причем не из голубого воздуха, а на основе предшествовавших бесценных работ тех, чьи име-на история психологии не обойдет молчанием.

В рамках одного доклада у меня нет возможности упо-мянуть о тех отдельных наблюдениях, которые побудили меня выделить в качестве критериев рассматриваемых различий определенные психические функции. В целом можно констатировать только одно, что различия, на-сколько они теперь стали для меня понятными, заключаются в том, что интроверт, например, не просто отступает перед объектом и колеблется, а делает это совершенно особым образом. И поступки свои он совершает не так, как любой другой интроверт, а тоже совершенно особым образом. Так же как лев поражает своего врага или добычу не хвостом, как крокодил, а лапами, в которых заклю-чена его специфическая сила, так и присущий нам способ реагирования обычно характеризуется нашими сильными сторонами, то есть использованием нашей наиболее надежной и развитой функции, что, впрочем, не мешает нам иногда реагировать и своими специфическими слабостя-ми. В соответствии с этим мы будем подготавливать или искать одни ситуации и избегать других и тем самым бу-дем соответственно приобретать специфический, отлича-ющийся от других опыт. Интеллектуал будет приспосаб-ливаться к миру с помощью своего интеллекта, а вовсе не как боксер шестой весовой категории, хотя и он может в приступе ярости употребить свои кулаки. В борьбе за су-ществование и приспособление каждый человек инстинк-тивно использует свою наиболее развитую функцию, ко-торая в результате становится критерием привычного спо-соба реагирования.

Вопрос теперь можно поставить так: каким образом следует так охватить все эти функции общими понятиями, чтобы они смогли выделиться из расплывчатости простого индивидуального существования?

Грубую типизацию подобного рода давно уже создала социальная жизнь в фигурах крестьянина, рабочего, художника, ученого, воина и т.д., или в перечне всех профессий. Но психологии с такой типизацией делать практического нечего, потому что среди людей науки, как однажды ехидно сказал один известный ученый, есть и такие, которые являются всего лишь «интеллектуальными носильщиками».

То, что здесь имеется в виду, — вещь весьма тонкая. Недостаточно говорить, например, об интеллекте, ибо это понятие слишком обще и неопределенно; разумным можно назвать все, что функционирует гладко, быстро, эффективно и целесообразно. И ум, и глупость являются не функциями, а модальностями, и они никогда не говорят о том, что, а всегда о том, как. То же самое касается моральных и эстетических критериев. Мы должны суметь обозначить то, что в привычных реакциях действует в первую очередь. Поэтому мы вынуждены использовать здесь нечто такое, что на первый взгляд выглядит столь же ужа-сающе, как психология способностей XVIII столетия. В действительности же мы прибегаем к уже имеющимся в обыденном языке понятиям, которые доступны и ясны каждому. Если, например, я говорю о «мышлении», то только философ не знает, что под этим подразумевается, но ни один дилетант не найдет это непонятным; ведь мы употребляем это слово ежедневно и всегда подразумева-ем под ним примерно одно и то же, однако если попросить дилетанта дать четкое определение мышлению, то он окажется в весьма затруднительном положении. То же самое касается «памяти» или «чувств». Насколько трудно бывает научно определить такие непосредственные психологические понятия, настолько же легки они для понимания в обиходном языке. Язык *par excellence* (Предпочтительно, в основном (франц.). — Перев.) является собранием наглядностей; оттого-то с таким трудом закрепляются и очень легко отмирают ненаглядные, слишком абстрактные понятия, что они слишком мало соприкасаются с действительностью. Однако мышление и чувствование являются такими неотъемлемыми для нас реалиями, что любой непримитивный язык имеет для них совершенно определенные выражения. Следовательно, мы можем быть уверены, что эти выражения совпадают соответственно с совершенно определенными психическими фактами, как бы эти комплексные факты научно ни назывались. Каждый представляет себе, что такое, например, сознание, и, хотя наука далеко еще этого не знает, никто не может сомневаться в том, что понятие сознание покрывает вполне определенные психические факты.

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

Именно поэтому я и взял в качестве критериев разли-чения внутри одного типа установки просто выраженные в языке дилетантские понятия и обозначил ими соответствующие психические функции. Например, я взял мышление, как оно в общем понимается, поскольку мне бросилось в глаза, что одни люди размышляют несоизмеримо больше других и, соответственно, в своих решениях при-дают больший вес разуму. Они используют мышление для того, чтобы понять мир и к нему приспособиться, и, с чем бы они ни сталкивались, все подвергается обдумыванию и осмыслению либо же, в крайнем случае, приведению в соответствие с заранее разработанными общими принципами. Другие же люди удивительным образом пренебрегают мышлением в пользу эмоционального фактора, то есть чувства. Они стойко проводят «политику чувств», и требуется уже действительно чрезвычайная ситуация, чтобы заставить их задуматься. Эти люди представляют собой полную противоположность первому типу, что особенно бросается в глаза, когда первые являются деловыми партнерами вторых или же когда они вступают друг с другом в брак. При этом один из них может отдавать предпочтение своему мышлению независимо от того, экстраверт он или интроверт. Разве что тогда он пользуется им лишь соответствующим для своего типа образом.

Однако преобладанием той или иной функции объясняются не все имеющиеся различия. Ведь то, что я называю мыслительным или эмоциональным типами, — это люди, которые опять-таки содержат в себе нечто общее, что я не могу охарактеризовать иначе, как словом рациональность. То, что мышление в своей сути рационально, не будет, пожалуй, оспаривать никто. Но когда мы перейдем к чувству, появятся веские контрдоводы, которые я не стал бы отметить сразу. Напротив, я могу заверить, что проблема чувства задала мне немалую головоломку. Однако я не хочу перегружать свой доклад изложением различных научных мнений относительно этого понятия, а лишь вкратце выскажу собственную точку зрения на данный вопрос. Основная трудность со-стоит здесь в том, что слова «чувство» или «чувствование» используются в самых разных значениях. Особенно это характерно для немецкого языка (Немецкое слово «das Gefühl» переводится как «чувство, ощущение, чутье». — Перев.), в меньшей степени — для английского и французского. Пожалуй, прежде всего мы должны строго отделить это слово от понятия «ощущение», которое характеризует функцию органов чувств. Затем, наверное, нужно так или иначе дого-вориться, что чувство сожаления, например, в понятийном смысле должно отличаться от чувства, что изменится погода или что акции алюминиевого концерна повысятся. Поэтому я предложил под чувством в первом значении понимать чувствование как таковое и, наоборот, слово «чувство», использованное в последнем случае, убрать из психологического лексикона и заменить понятием «ощущение», если речь идет о перцептивном опыте, или понятием «интуиция», если речь идет о такого рода восприятии, которое нельзя непосредственно свести к осознанному перцептивному опыту. Поэтому я определил ощущение как осознанное восприятие с помощью органов чувств, а интуицию как восприятие через бессознательное.

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

Разумеется, можно до скончания века дискутировать о правомерности этих определений, однако такая дискуссия в конечном счете сводится к вопросу, как называть неко-торое известное животное: *Rhinozerus*, носорогом или еще как-нибудь иначе, ведь, в сущности, надо только знать, что и как мы называем. Психология — это целина, где языку еще только нужно закрепиться. Температуру, как известно, можно измерять по Реамюру, Цельсию или фаренгейту, и единственное, что нужно здесь сделать, это сказать, какой способ использовали для измерения в каждом дан-ном случае.

Как следует из сказанного, я рассматриваю чувство-вание в качестве функции души, отделяя ее от ощуще-ния и предчувствия или интуиции. Тот, кто смешивает эти функции с чувствованием *sensu stricto* (В узком смысле (лат.). — Перев.), разумеется, не способен признать рациональность чувства. Но кто их разделяет, тот не может уклониться от признания того факта, что эмоциональные оценки, эмоциональные суж-дения и вообще сами эмоции могут быть не просто разумными, но и логичными, последовательными и рассу-дительными и в этом смысле точно такими же, как мышление. Мыслительному типу данный факт кажется стран-ным, но он легко объясним той характерной особенностю, что при дифференцированной мыслительной функции чувство всегда менее развито, то есть является бо-лее примитивным, а значит, и контаминированным с дру-гими функциями, причем именно с иррациональными, не-логичными и внера-судочными, то есть функциями ощу-щения и интуиции, в задачу которых оценка ситуации не входит. Обе последние функции противостоят рацио-нальным функциям, причем по причине, отвечающей са-мой глубокой их сущности. Когда мы думаем, то делаем это с намерением прийти к какому-нибудь выводу или заключению, а когда чувствуем, то для того, чтобы до-стичь верной оценки; ощущение же и интуиция как функции восприятия имеют целью восприятие данного, а не его истолкование или оценку. Следовательно, они просто должны быть открыты для данного, а не действовать избирательно по определенным принципам. Данное же по своей сути иррационально, ибо не существует мето-дов, с помощью которых можно было бы доказать, что должно быть столько-то планет или столько-то видов теплокровных животных. Иррациональность — это то, чего не хватает мышлению и чувству, рациональность — то, чего не хватает ощущению и интуиции.

Существует немало людей, реакции которых основы-ваются главным образом на иррациональности, то есть ли-бо на ощущении, либо на интуиции, но никогда на том и другом сразу, ибо ощущение по отношению к интуиции столь же антагонистично, как мышление по отношению к чувствованию. Ведь когда я своими ушами и глазами наме-реваюсь установить, что же происходит в действительности, я могу делать все, что угодно, только не мечтать и не фантазировать одновременно с этим, но как раз именно это последнее и должен делать интуитивист, чтобы дать простор своему бессознательному или объекту. Вот поче-му оща-зывающий тип является антиподом интуитивного. К сожалению, время не позволяет мне вдаваться в те инте-ресные

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

вариации, которые возникают вследствие экстравертированной или интровертированной установки у ир-рациональных типов.

Я бы предпочел сказать еще несколько слов о законо-мерных последствиях, к которым приводит доминирование какой-либо одной функции над другими, а именно как это оказывается на других функциях. Человек, как известно, никогда не может быть всем сразу и никогда не может быть полностью совершенен. Он развивает всегда только определенные качества и оставляет недоразвитыми остальные. Что же происходит с теми функциями, которые он не использует ежедневно, а значит, и не развивает их упражнением? Они остаются, в той или иной степени, в примитивном, инфантильном, часто лишь в полу-сознательном, а порой даже в совершенно бессознательном состоянии; тем самым они образуют характерную для каждого типа неполноценность, которая в качестве со-ставной части входит в общую структуру характера. Одностороннее предпочтение мышления всегда сопровождается неполноценностью чувств, а дифференцированное восприятие таким же образом оказывается на интуитивной способности, и наоборот,

Является ли какая-либо функция дифференцированной или нет — можно довольно легко определить по ее силе, устойчивости, последовательности, надежности и приспособленности. Ее неполноценность, однако, зачастую не так уж легко описать или распознать. Важным критерием здесь является ее несамостоятельность и обусловленная этим зависимость от обстоятельств и других людей, а также ее непостоянство, ненадежность в употреблении, суггестивность и расплывчатый характер. На неполноценную функцию никогда нельзя положиться, ибо ею нельзя управлять, более того, можно даже стать ее жертвой.

К сожалению, здесь я не имею возможности дать детальное описание психологических типов, и поэтому мне приходится довольствоваться лишь кратким изложением основных идей психологической типологии.

Общий результат моей предыдущей работы в этой области состоит в выделении двух основных типов установки: экстраверсии и интроверсии, а также четырех типов функций: мыслительного, ощущающего, чувствующего и интуитивного, которые варьируют в зависимости от общей установки и тем самым дают в итоге восемь вариантов.

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

Меня чуть ли не с упреком спрашивали, почему я говорю ровно о четырех функциях, не больше и не меньше. То, что их ровно четыре, получилось прежде всего чисто эмпирически. Но то, что благодаря им достигнута определенная степень цельности, можно продемонстрировать следующим соображением.

Ощущение устанавливает, что происходит фактически. Мышление позволяет нам узнать, что означает данное чувство — какова его ценность, и, наконец, интуиция указывает на возможные «откуда» и «куда», заключенные в том, что в данный момент имеется. Благодаря этому ориентация в современном мире может быть такой же полной, как и определение места в пространстве с помощью географических координат. Четыре функции являются своего рода четырьмя сторонами горизонта, столь же произвольными, сколь и необходимыми. Ничто не мешает сдвинуть точку координат в ту или иную сторону и вообще дать им другие названия. Все зависит от того, как мы договоримся и насколько это целесообразно, но я должен признаться в одном: мне ни за что не хочется обходиться в своей психологической исследовательской экспедиции без этого компаса, и не по напрашивающейся общечеловеческой причине, что каждый влюблен в свои собственные идеи, а из-за того объективного факта, что тем самым появляется система измерения и ориентации, а это в свою очередь делает возможным появление критической психологии, которая так долго у нас отсутствовала.